

*Факты и события, изложенные в книге, вымышленны. Их трактовка не отражает мнения издательства. Любые совпадения имен, фамилий и ситуаций случайны и непреднамеренны.*

## **Пролог**

Поволжская зона общего режима ЮЖ-386/10, или просто «десятка», всегда пользовалась среди арестантов репутацией места гиблого и проклятого. И даже не потому, что условия содержания здесь были куда хуже, чем на других «общаках». «Десятка» считалась типично «красной» зоной — в колонии царил жесточайший ментовский беспредел. Малейшее нарушение режима каралось лишением «свиданок» и «дачек». За шапку, не снятую в присутствии гражданина начальника, полагался ШИЗО. Найденная при шмоне заточка грозила обернуться довеском к сроку.

На работу выходили все: и «обиженные», и серая мужицкая масса, и даже немногочисленные блатные. Отказников перевоспитывали карцером, а если не помогало и это, строптивцев вызывали в кабинет начальника оперчасти Владимира Баклейчева, по кличке Тушенка. После непродолжительной беседы с лагерным «кумом» ломалось даже самое стойкое «отрицалово»...

...Рыжее августовское солнце еще не успело выползти из-за темно-синей кромки заволжского леса, а на производственном объекте уже всюду трудились арестанты. Объект — недостроенное трехэтажное здание из грубых бетонных блоков — возвышался на невысоком пологом холме. К концу осени эта стройка должна была называться заводом железобетонных изделий. Вот «хозяин» и подгонял братву: в случае успеха начальник «десятки» мог рассчитывать на повышение и даже на перевод в столицу, в главк.

Солнечные лучи, отражаясь от ременных пряжек автоматчиков, отбрасывались в гущу заключенных озорны-

ми бликами. Конвоиры с собаками оцепляли строительство живым кольцом. Холодно поблескивала колючая проволока ограждений. Бежать не представлялось возможным.

Да и вряд ли кому-нибудь из эков могла бы прийти в голову мысль о «зеленом прокуроре». На зоне была работа, а это, в свою очередь, гарантировало пайку. Потенциальных беглецов тоже не наблюдалось: на строительные объекты за зоной обычно выводят или «козлов»-активистов, или тех, кому до «звонка» остается совсем немного. За последние пять лет «десятка» помнила лишь одну попытку «рвануть» — беглеца настигли в полукилометре от «промки» и насмерть затравили собаками. Кстати, «кум» Тушенка клятвенно обещал, что в случае досрочного окончания строительства наиболее отличившиеся получат представление на условно-досрочное освобождение. Именно Баклейчев и распорядился вывесить на фасаде недостроенного завода огромный кумачовый транспарант: «САМ ПРОЧТИ — СКАЖИ ДРУГОМУ: ЧЕСТНЫЙ ТРУД — ДОРОГА К ДОМУ!»

Деловито урчали электроподъемники, стучали мастерки о кирпич, заходились в лае конвоирские псы, и виртуозная матерщина бригадиров звучала естественным сопровождением строительных процессов.

Среди бригадиров обращал на себя внимание невысокий плотный мужчина в синих наутюженных брюках, но без майки. Торс его синел причудливыми татуировками: тут были и тигровые оскалы, и порванные цепи, и обнаженные красавицы, и карточные колоды, и прочие символы трудной жизни в неволе. Судя по начальственным интонациям, татуированный явно пользовался авторитетом у эков — он никогда не повторял одно и то же распоряжение дважды.

— А ну убери цемент! — гремел его хриплый бас из подвала будущего завода. — На хера до хера нахерачили! Расхерачивай цемент к херам!

Однако спустя всего лишь минуту татуированный уже давал указания на крыше:

— Почему до сих пор битый кирпич не убрали! Быстренько ноги в руки — и за носилки!

Лагерное начальство равнодушно взидало на будни строителей. Матерщина, понукание и зуботычины бригадиров воспринимались офицерами внутренней службы как нечто должное. Такой уж неблагодарный народ эти зэки: хоть всеобщую амнистию им пообещай, а все равно без пинков работать не будут!

Неожиданно с тыльной стороны новостройки послышался жуткий грохот. Строители побросали работу. Начальник «промки», оперативный дежурный и еще несколько офицеров бросились на пугающий звук, однако татуированный бригадир опередил ментов — он очутился на месте происшествия самым первым.

Оказывается, с электроподъемника сорвалась подвесная люлька с огромной пирамидой силикатного кирпича. Сбив по дороге зазевавшегося строителя, кирпичная пирамида с омерзительным уханьем рухнула наземь.

Что и говорить, зрелище было не для слабонервных... Свалившийся с крыши зэк лежал на кирпичных обломках. Лицо его уже затекало меловой бледностью. На посиневших губах пузырилась кровавая пена. Судя по всему, пострадавший был при смерти — он даже не стонал, и глаза его безразлично смотрели в синее августовское небо...

Это был Леха Сазонов, один из самых авторитетных на зоне арестантов, более известный в преступном мире под кличкой Жулик. В учреждении ЮЖ-386/10 Леха мотал второй в своей биографии срок.

ЧП на строительстве, да еще при огромном скоплении свидетелей, не сулило начальству образцово-показательной зоны ничего хорошего. В случае смерти Сазонова можно было ожидать всякого: комиссии из Министерства юстиции, долгой и нудной проверки норм техники безопасности и, как следствие, — оргвыводов. И уж тогда «хозяин» вряд ли мог рассчитывать на желанное повышение.

Начальник «промки» нервно закусил губу.

— Врача! — только и смог вымолвить он. — Врача, быстрее!..

А татуированный бригадир уже отгонял от места трагедии любопытствующих зэков.

— Че устались? Шнифты просмотрите! Отвалите отсюда подальше! Расступитесь, расступитесь — ему воздух нужен! Дайте Лехе хоть перед смертью воздухом подышать! — хрипло надрывался он.

— Да будет тебе, Капа! — бросил кто-то из арестантов. — Не ругайся, ты же нормальный мужик!

— Это я — мужик? — окрысился блатной Капа. — Да я тебя сейчас...

Неожиданно на помощь татуированному бригадиру пришел кто-то из офицеров:

— Так, всем по местам, работать, работать! Мы тут сами разберемся!

— Ну найдите же врача!.. — скрежетал зубами начальник «промки» подоспевшему прапорщику. — Быстрее, не то и впрямь загнется...

Склонившись над умирающим, офицер осторожно взял его запястье и нащупал пульс. К счастью, Сазонов был еще жив.

Тем временем прапорщик внутренней службы, усевшись за руль «уазика», погнал в жилую зону, находившуюся от стройки в трех километрах. Спустя минут двадцать он, бесцеремонно расталкивая заключенных, подвел к месту трагедии пожилую докторшу лагерной медсанчасти.

Подойдя к лежавшему на битом кирпиче Лехе, врачиха поставила свой саквояж наземь. Взглянула вверх, на уровень крыши, с которой свалился несчастный. Затем перевела взгляд на окровавленное лицо Сазонова. И хотя за свою жизнь зоновская «лепила» насмотрелась всякого, но даже ей стало немного не по себе.

Присев на корточки, докторша осторожно взяла умирающего за подбородок.

— ...о-о-ольно!.. — тихонько застонал тот, и на лице его прорезалась невыразимая гримаса страдания.

Из уголка Лехинога рта потекла тоненькая струйка крови, и он обессиленно откинул голову.

— Что с ним? — уныло спросил начальник строительства.

— Наверное, перелом позвоночника, сотрясение мозга и... может быть что угодно, — вздохнула «лепила».

— Выживет?

— Неизвестно. Состояние явно критическое. Дорога каждая секунда. Надо срочно везти его в больницу, и — сразу на операционный стол.

Конечно, Алексея Сазонова можно было доставить и в зоновскую «больничку», однако там не было ни хирурга, ни анестезиолога, ни инструментов, ни тем более операционного стола. Межлагерная медсанчасть была в сорока километрах от стройки. А ведь Жулик мог скончаться в любой момент!

Связавшись по рации с «хозяином», начальник строительства быстро доложил о ЧП.

— Этого на мою голову еще не хватало! — засокрушался начальник «десятки». — Ну, отвезите его в Федьково, в райбольницу. Может, еще успеют спасти. А если там и подохнет — ничего страшного. Спишем на местных врачей: мол, сами во всем виноваты, лечили неправильно...

Районный центр Федьково находился километрах в десяти от стройки. Сазонова со всеми предосторожностями положили на носилки и понесли к «УАЗу» — в этот момент изо рта несчастного вновь хлынула кровь.

— Из-за этого мудака еще бензин жечь... — с явным неудовольствием изрек начальник «промки» и, поискав глазами прапорщика, прикрикнул: — Рудометов!

— Да, Аркадий Олегович, — подскочил тот.

— Возьмешь с собой сержанта Затулина, пусть сядет за руль. Ну... и Викторию Павловну, — подумав, офицер кивнул в сторону врачихи. — Главное — побыстрее доставить его в больницу, чтобы в дороге не загнулся. Ты, Рудометов, останешься вместе с Сазоновым, а Затулин пусть возвращается. Из Федькова свяжешься со мной и доложишь ситуацию. А потом, если понадобится, тебя сменят. Все, езжайте, времени нету...

Спустя несколько минут «уазик», провожаемый сочувственными взглядами арестантов, медленно выехал за живое кольцо конвоиров и, миновав ограждение из «колючки», покатил в сторону райцентра.

\* \* \*

Темно-зеленый «уазик» катил по неширокой лесной грунтовке. Ельник по обе стороны выглядел хмуро и неприветливо: поваленные деревья, темные гнилые пеньки, подернутые, словно плесенью, ядовито-зеленым мхом, непроходимые заросли орешника... Несмотря на полуденное время, в лесу было сумрачно: могучие лапы елей, нависавшие над самой дорогой, слабо пропускали солнечный свет, и водитель-сержант включил подфарники.

Пострадавший лежал на полу «УАЗа» и, казалось, не подавал никаких признаков жизни. Окровавленная голова арестанта безжизненно болталась из стороны в сторону. Из его рта медленно сочилась кровь, и темная лужица, стекая в поддон микроавтобуса, постепенно увеличивалась в размерах.

Пожилая врачиха Виктория Павловна, открыв медицинский саквояж, предусмотрительно извлекла из него пузырек с нашатырным спиртом — на момент передачи больного федыковским врачам он должен был быть в полном сознании.

Прапорщик Рудометов закурил вонючую сигарету и обернулся к водителю:

— Мда, не повезло нашему Жулику... Сколько там ему до «откидки» оставалось — кажется, меньше года?

Сержант не ответил. Судьба арестанта по кличке Жулик интересовала его меньше всего. Зато неожиданная поездка в Федьково открывала заманчивые перспективы насыщенной культурной программы, с покупкой дешевого самогона и походом в женское общежитие местного льнозавода.

Под скатами сухо шуршала трава, хрустел валежник, низкие ветви деревьев то и дело царапали крышу «УАЗа».

Желтые контуры двойной колеи едва угадывались среди пожухлой травы и опавших листьев.

Неожиданно машина подпрыгнула на кочке — Сазонов пронзительно вскрикнул, раскрыл глаза и неожиданно забулькал горлом.

— Водитель, помедленней! — всполошилась докторша. — Ведь живым не доедет... А нам «хозяин» потом по первое число ввалит!

Сержант с неудовольствием сбавил скорость — ему очень хотелось прибыть в райцентр как можно раньше.

Тем временем темно-зеленый «УАЗ» нырнул в чашу — в кабине сразу же стало темно.

— Бо-о-ольно-о-о!.. — явственно застонал несчастный. — Умира-а-а...

Врачиха раздраженно чертыхнулась и, подобрав полу врачебного халата, чтобы не измазаться кровью, нагнулась к пострадавшему.

В этот самый момент случилось то, чего никто не мог ожидать...

Неожиданно Сазонов пружинисто вскочил на ноги и цепко схватил «лепилу» за шею. Хватка была несокрушимо-железной. Впрочем, обескураженная докторша даже не пыталась вырваться. В руке Жулика холодно блеснуло лезвие «пики» — самодельного ножа.

— Тихо... — с угрожающим придыханием прошептал Леха, приставляя острие к шее пожилой врачихи. — Не делай резких движений...

«Лепила» едва не грохнулась в обморок. Сержант и прапорщик как по команде обернулись. Физиономии их вытянулись от изумления — еще минуту назад никто и подумать не мог, что человек, находящийся при смерти, способен исцелиться в мгновение ока.

Рука прапорщика рефлексивно потянулась к кобуре.

— Рудометов, только без нервов, — спокойно бросил Сазонов, вдавливая острие ножа в шею докторши. — Все болезни от нервов, только триппер от удовольствия... Одно неосторожное движение — и «лепила» станет корочке на голову. Заложница она моя — ясно?

Пожилая заложница попыталась было дернуться, од-

нако, ощутив шеей холодный металл, сразу же потеряла вкус к сопротивлению.

— Епить твою мать! — только и мог вымолвить прапорщик.

— Зачем ты так плохо отзываешься о моей маме? — нахмурился Леха. — Сношай лучше свинью. И сало близко, и шагна низко...

— Сазо-онов, тебя же «хозяин» потом на части разомкнет! — засокрушался Рудометов, понимая, что проиграл окончательно и бесповоротно.

— Это тебя он порвет, как Тузик — грелку... Если с головы Виктории Павловны упадет хоть один волос, — невозмутимо парировал Жулик. — Так, водила, останавливай свою колымагу. Только руки с руля не убирай, не то дослуживать будешь в дисбате... «Хозяин» тебя лично аттестует. А ну, сука, тормози свою тачку! Оглух, что ли?

Сержант послушно нажал на тормоз. Огромные руки, лежавшие на руле, нервно подрагивали.

Арестант легонько подтолкнул врачиху вперед, в полосу света.

— Рудометов, сейчас ты очень медленно расстегнешь кобуру, возьмешь пистолет за ствол и передашь его мне... Только вежливо, осторожно и без глупостей. И не вздумай изображать из себя супермена, все равно не получится. А ты, водила, держи руки на руле... Вот так, чтобы я видел!

Расстегнув кобуру, испуганный прапорщик опасливо протянул Жулику табельное оружие.

— А теперь упрись ладонями в потолок, как Атлант — в землю! — распорядился Сазонов, принимая «ПМ» одной рукой и удерживая другой дрожащую от ужаса докторшу. — Так и сиди... Товарищ сержант! Я вижу, между сиденьями лежит твой шпалер. К чему тебе огнестрельное оружие? Еще сдуру дезертируешь с автоматом, застрелишь кого-нибудь, а потом под трибунал загремишь. Отдай лучше мне! Да не так... За цевье, за цевье, мудила!

Когда и это распоряжение было выполнено, Жулик заметно повеселел. Оттолкнув от себя полумертвую от



страха докторшу, Леха передернул автоматный затвор и навел оружие на прапорщика с сержантом.

— А теперь — быстро всем из машины! — последовал новый приказ. — Только не пытайтесь бежать. Я вас из шпалера все равно достану. Рудометов! Кто тебе позволял опускать руки?

Вытолкнув из «УАЗа» заторможенную от ужаса «лепилу», Леха легонько подтолкнул ее автоматным стволом в сторону сержанта и прапорщика.

— Мне... тоже руки поднять? — пересохшими от страха губами пробормотала врачиха.

— Зачем же, Виктория Павловна! — неожиданно улыбнулся Сазонов. — Такие физические упражнения предусмотрены только для дефективных... Вроде вот этих. А вы человек самой гуманной на свете профессии, и к тому же — женщина.

— Сазонов, не убивай нас... Пожалуйста! — насилуя мышцы лица, Рудометов попытался изобразить подобие улыбки.

— На хрена мне о вас руки марать! — хмыкнул Леха. — Вы и так от страха десять раз умерли...

— Сазонов, ну зачем тебе это все? — продолжал прапорщик, чуточку осмелев. — Тебе же и так меньше года сидеть оставалось! Звонком бы откинулся! А может, Тушенка тебя и на УДО бы оформил...

— Таких, как я, на условно-досрочное не оформляют, — отрезал Жулик и, угрожающе поведя автоматным стволом, скомандовал: — А теперь — раздевайтесь! Я что, неясно сказал?

Прапорщик и сержант принялись нехотя раздеваться. Пожилая толстая докторша стыдливо расстегнула верхнюю пуговичку врачебного халата.

— Виктория Павловна! — укоризненно вымолвил Леха. — Давайте обойдемся без демонстрации женской природы... Боюсь, особенности вашего телосложения не доставят мне удовольствия. А вы, козлы, — быстро скидайте форменные клифты! И прохоря тоже — босиком по лесу не слишком-то убежишь!

Спустя несколько минут Рудометов и Затулин стояли в одном лишь нижнем белье. Врачиха деликатно отвернулась.

— А теперь, гражданин начальник, — автоматный ствол многозначительно повернулся в сторону прапорщика, — ты, не торопясь, привяжешь водилу... во-он к той сосне! И не дай бог, если я обнаружу брак в твоей работе! Терять мне теперь все равно нечего!

Угроза возымела действие — меньше чем через минуту сержант стоял в обнимку с сосной, и запястья его туго охватывал солдатский ремень.

— Виктория Павловна, если вас не затруднит... Привяжите, пожалуйста, гражданина начальника к деревцу, что за вашей спиной! — вежливо попросил Жулик. — Нет-нет, только не ремешком. Ремень мне самому понадобится. Лучше пояском вашего халата! Да покрепче!

Когда и этот приказ был исполнен, Леха Сазонов в мгновение ока переоделся в форму прапорщика. Свою арестантскую робу он забросил в кабину. Сунул «ПМ» в кобуру, осмотрел карманы кителя и, достав служебное удостоверение, пробежал глазами по записям. Спрятав документы в нагрудный карман, Жулик извлек из «уазика» буксировочный трос.

— Непривычно как-то в ментовской шкуре ходить... Погоны на плечи давят, — брезгливо оценил Леха, привязывая врачиху металлическим тросом к березе.

— Сазонов, неужели ты нас в этом лесу на ночь бросишь? — простонал Рудометов.

— Эта догадка делает честь твоему уму, — жестко улыбнулся Сазонов.

— Но ведь тут... могут быть дикие звери! Волки какие-нибудь... — не унимался прапорщик.

— С волками жить — по-волчьи выть, — отрезал беглец и, усевшись за руль «уазика», напутствовал на прощанье: — Берегите себя! А когда вернетесь на зону — не злоупотребляйте спиртным. От него портится цвет лица!..

Тридцатитрехлетний арестант Алексей Сазонов всегда отличался живым умом, холодным расчетом и нестандартностью мышления. Именно потому Леха и заслужил в зонавской среде почетное погоняло Жулик. Свободный художник криминального мира, Сазонов ко всем жизненным проблемам подходил творчески, нестандартно и с выдумкой. Это качество и позволило ему успешно вырваться за кордоны конвоиров, окружавших строительство.

Решение «менять судьбу» пришло к Жулику четыре дня назад, когда он через надежных людей получил маляву с воли. Так уж случилось, что обстоятельства требовали немедленного появления Лехи в родном городе. И, хотя до окончания срока Сазонову действительно оставалось чуть меньше года, он все-таки решил рискнуть.

Леха не стал лезть на рожон, продираясь через высокие заборы, предзонники и лабиринты колючей проволоки — такой «рывок» обязательно закончился бы автоматной очередью с ближайшей караульной вышки. Человек творческий, Жулик понимал: бежать лучше всего со стройки — ведь именно там он мог навязать мусорам свои правила игры.

За день до побега дневальный «больнички» принес Лехе две пустых пластиковых ампулы из-под альбуцида. «Мойку», бритвенное лезвие, Сазонов раздобыл сам. На следующее утро он вместе со своим отрядом отправился на стройку.

Несколько часов арестант деятельно имитировал работу: мешал раствор, укреплял арматуру, таскал носилки с битым кирпичом. Незадолго до обеда на крыше появился татуированный бригадир Валерий Капличный, по кличке Капа, — «семейник» Жулика. Капа был единственным человеком, посвященным в подробности зонавского плана.

— Быстро гони всех на другую сторону, — тихонько сказал Алексей и, спрятавшись за перекрытием, извлек из нычки «мойку» и ампулы из-под альбуцида.

Сазонов осторожно порезал себе руку чуть выше локтя и нацедил в пластиковые ампулы кровь. Пластмассовые колпачки ампул были загодя продырявлены. Сунув одну ампулу за левую щеку, а другую — за правую, Леха отправился вниз. Оценив ситуацию, арестант поднял голову и кивнул «семейнику» — мол, давай!

Капа сработал четко — подвесная люлька с пирамидой кирпичей приземлилась в каком-то полуметре от Жулика. Грохот получился, как при бомбежке — и арестанты, и менты сразу же поверили в реальность ЧП. Момента падения люльки никто не видел — Капа предусмотрительно отогнал эзков на другую сторону стройки. Не теряя времени, Жулик бросился ничком на груды кирпичных обломков. Пришлось пожертвовать спиной — острые осколки немилосердно впились в кожу. Перед Лехиными глазами поплыли огромные разноцветные пятна, и он на мгновение потерял сознание. Однако быстро пришел в себя: переложив пластиковую ампулу из-за щеки на язык, Жулик придавил ее к нёбу — во рту сразу же сделалось солоно, и кровь теплой струйкой потекла изо рта.

Лежа с приоткрытыми глазами, Жулик слышал какую-то странную возню вокруг себя и отчаянную матерщину Капличного. Дебют спектакля удался на славу — с шумом и пылью, грохотом и полной растерянностью ментов. Теперь следовало повести себя очень грамотно, чтобы не переиграть. То и дело придавливая языком ампулу с кровью, Сазонов весьма правдоподобно изображал предсмертные муки. Труднее всего было продержаться первые полчаса, до появления зоновской «лепилы». Все это время арестант демонстрировал потрясающее мужество и небывалую выдержку. Заметив белый халат Виктории Павловны, Леха переложил на язык вторую ампулу и осторожно прижал ее к нёбу. Все получилось вполне естественно — едва врачиха наклонилась к пострадавшему, как на губах его запузырилась алая пена.

Сазонов поверил в удачу только тогда, когда темно-зеленый «уазик» выкатил за кольцо автоматчиков. «Прихват» врачихи и захват оружия были делом техники: от-

личный психолог, Жулик понимал, что чудесное исцеление «умирающего» сразу же деморализует спутников...

...Распрошавшись с прапорщиком, сержантом и докторшей, Леха погнал «уазик» по темному лесу. Поправив обзорное зеркальце, Сазонов взглянул на собственное отражение и довольно улыбнулся. С зеркального прямоугольничка на него смотрел весьма импозантный прапорщик внутренней службы: собранный, жесткий, исполненный нервной энергии. Худое лицо с резкими волевыми морщинами, энергичный поворот головы... Правда, недавнего арестанта выдавала слишком короткая стрижка, сероватый цвет лица да легкая небритость, однако эти нюансы были поправимыми.

Доехав до развилки, Жулик покатил не в Федьково, а в противоположную сторону — к огромной песчаной косе, желтевшей в нескольких километрах от пересечения дорог. Времени оставалось в обрез — ведь менты могли узнать о побеге в любой момент. Но хитроумный беглец уже знал, что ему следует предпринять...

\* \* \*

Начальник «десятки» узнал о побеге лишь через полтора часа. Прапорщику Рудометову удалось перетереть тряпичные путы об острый сучок и освободить спутников. Разутые и раздетые до исподнего менты помчались на вахту жилой зоны (пожилая врачиха отстала на полпути). И уже через четверть часа группа захвата с собаками отправилась по следам беглеца.

Командир поисковой опергруппы справедливо полагал, что Сазонов непременно погонит в Федьково. В райцентре были железнодорожный и автобусный вокзалы, а также пристань, и беглец наверняка бы попытался уйти как можно дальше от зоны. Однако поиски в городке оказались безрезультатными. Бравого прапорщика внутренней службы не видели ни вокзальные кассиры, ни сотрудники линейных отделов милиции, ни всезнающие

старушки, торгующие на вокзалах воблой и подсолнечными семечками.

Волей-неволей пришлось расширять географию поисков. Спустя несколько часов небольшой районный центр и прилегающие окрестности кишмя кишели ментами. Автоматчики в бронежилетах и касках патрулировали улицы, вокзалы и пристань. Усиленные наряды ГИБДД контролировали все выезды из города. Оперативники в штатском вовсю шустрили блатхаты, общежития, рынки и наркоманские притоны. Участковые сбились с ног, обыскивая чердаки и подвалы. Отдел криминальной разведки напрягал многочисленных стукачей. По местному телевидению несколько раз передали приметы бежавшего. К операции по поимке вооруженного преступника подключили егерей местного лесничества, инспекторов рыбнадзора и, естественно, военнослужащих ближайшего гарнизона.

Прочесывание окрестностей силами солдат и принесло первые результаты. Поздно вечером на пустынном песчаном откосе был обнаружен темно-зеленый «уазик» — тот самый, который и угнал Сазонов. В кабине лежали два полных комплекта обмундирования, снятые с прапорщика Рудометова и сержанта Затулина. Там же валялись арестантские брюки и рабочая роба с биркой-нашивкой «САЗОНОВ А. К. 5 ОТРЯД 51 БРИГАДА». К удивлению оперативников, в кармане прапорщицкого кителя были обнаружены документы и деньги, отобранные у Рудометова. Под водительским сиденьем было спрятано оружие с полным боекомплектом — и «АКСУ», и «ПМ». Самодельный нож-«пику», при помощи которого Жулик взял в заложницы врачей, отыскали в «бардачке».

Беглец же бесследно исчез — поисковые овчарки взяли след только до кромки воды. Было очевидно: Жулик покинул машину несколько часов назад, разделся, за чем-то полез в речку, но на берег почему-то не вернулся.

На всякий случай оперативники устроили засаду рядом с машиной, но так и просидели в кустах до утра. Беглый осмотр противоположного берега не выявил никаких следов беглеца.

— Станный он какой-то, — резюмировал «хозяин», выслушав доклад начальника оперчасти Баклейчева. — Почему этот проходимец не взял с собой ни денег, ни документов, ни обмундирования? И оружие зачем-то оставил... Даже нож с собой не прихватил!

— Может, попытался переплыть Волгу? — предположил «кум», трогая надорванную мочку уха — эту травму он получил четыре года назад, во время бунта на иркутском «особняке».

— Ну, допустим... А дальше-то что? Куда он в трусах и в майке уйдет? — недоверчиво парировал начальник «десятки». — И вообще — какого хрена он на тот берег поперся? Ты представляешь, сколько сил и времени требуется, чтобы переплыть реку в районе Федьково? Редкая птица доберется до середины Волги... Не говоря уже о беглом зэке.

— А может, Сазонов вовсе не плыл на противоположный берег. Может, он просто окунуться решил, — неожиданно предположил начальник оперчасти.

— Ага — так я этому и поверю. Неужели зэк, которому до откидки оставалось лишь девять с половиной месяцев, устраивал комедию с производственной травмой и рисковал при побеге жизнью лишь для того, чтобы немного поплавать? — растерянно бросил «хозяин». — Нестыковочка получается.

— Почему же нестыковочка? — горячо возразил Баклейчев. — Все очень натурально. Решил окунуться на пару минут... Чтобы смыть с себя строительную пыль и вообще — освежиться перед дальней дорогой. С непривычки не рассчитал своих сил. В водоворот попал, ногу судорогой свело... вот и утоп. Иначе бы он обязательно вернулся к машине. Не такой дурак этот Жулик, чтобы бросать одежду, деньги, документы и, главное — оружие. Так при побеге себя не ведут.

Как ни странно, но мысль начальника оперчасти пришла начальнику «десятки» по душе. Рапортовать о случайной смерти беглеца было чуточку безопасней, чем продолжать явно бесполезные поиски. И действительно — зачем раздувать скандал? И так теперь неприятно-

тей не оберешься... А версия об «утоплении» вполне могла бы сойти для проверяющих лохов из Минюста. Тем более что в качестве ревизоров на зону наверняка пришлют теоретиков лагереведения, и «хозяину»-практику ничего не стоит убедить их в собственной правоте.

Конечно, теоретики могли поверить практику лишь при одном условии — если бы им предъявили тело утопленника. Но тут случилась заминка: трупа, к сожалению, не было. Траление волжского дна силами местного ОСВОДа не принесло никаких результатов. Впрочем, ширина Волги в районе Федькова — почти полтора километра, да и течение очень быстрое. Это течение вполне могло затащить утопленника в подводную яму или под корягу, да и огромные волжские сомы, как утверждают местные жители, по своей кровожадности не уступают тихоокеанским акулам.

Единственным человеком, могущим прояснить ситуацию, был татуированный бригадир Капа, сообщник Сазонова. Начальник оперчасти Баклейчев беседовал с лагерным авторитетом несколько часов. Но — безрезультатно: после взнудания «ласточкой» и последующей пытки электротоком полуживого зэка Капличного пришлось оставить в покое. «Ничего не знаю, гражданин начальник», — машинально шептали разбитые губы бригадира, когда его волокли в медсанчасть.

Как и следовало ожидать, вскоре в учреждение ЮЖ-386/10 нагрянула комиссия из ГУИНа Министерства юстиции. «Хозяин» долго пьянствовал с гостями, убеждая их, что заключенный Сазонов А. К. действительно утонул при попытке к бегству. Ревизоры не сразу поверили в эту версию, и потому начальнику «десятки» пришлось призвать на помощь не только собственное красноречие, но и испытанное русское средство в борьбе с любыми комиссиями — маленькие запечатанные конвертики.

Лагерные стукачи на всякий случай распустили среди арестантов «парашу» — мол, орлы из опергруппы все-таки обнаружили труп беглеца на речном берегу, и теперь утопший Сазонов ждет официального опознания в холодильной камере областного морга.



И все обошлось относительно благополучно... «Хозяин» отделался легким испугом: о переводе в Москву пришлось позабыть. Начальник режима получил понижение в должности. Командир пятого отряда, ответственный за перевоспитание Сазонова, огреб неполное служебное соответствие. А в качестве непосредственных виновников происшествия были выставлены прапорщик Рудометов и сержант Затулин — мол, их преступная халатность и способствовала бегству арестанта. На обоих были заведены уголовные дела, и перспективы этих козлов отпускаения выглядели весьма незавидно.

Мнения обитателей «десятки», как и следовало ожидать, разделились. Большинство эзков свято верили, что Жулик не погиб при форсировании водной преграды, а благополучно скрылся от преследователей. Что поделать — арестанты всегда склонны надеяться на лучшее; все, что поганым ментам — как серпом по яйцам, ээкам — бальзамом на душу. Однако все косвенные признаки указывали на смерть Жулика, и потому многие бывалые арестанты всерьез сомневались в успехе побега. Да и официальное заключение высокой проверяющей комиссии вроде бы подтверждало худшие опасения...

Среди тех, кто ни секунды не верил в официальную версию об «утоплении», был начальник лагерной оперчасти Владимир Баклейчев, более известный на зоне под кличкой Тушенка.

Во-первых, «кум» слишком хорошо знал, на что способен Сазонов.

Во-вторых, Баклейчев прекрасно понимал: уж если Жулику удалось одурачить всех находящихся на стройке в момент «несчастливого случая», ему было вполне по силам повести поисковую опергруппу по ложному следу.

А в-третьих, Тушенка догадывался, что именно подтолкнуло к побегу ээка, которому и сидеть-то осталось чуть меньше года...

Однако умный и хитрый Баклейчев не спешил делиться своими догадками с окружающими.

## Глава 1

Резкий удар ноги — и мускулистый гигант, не удержав равновесия, свалился на дощатый помост ристалища. Но быстро поднялся. Приняв боксерскую стойку, гигант провел серию удачных боковых ударов и вскоре загнал соперника, невысокого азиата-каратиста, в угол ринга. Перейдя в жесткий клинч, боксер зажал голову противника под свой левый локоть, а правой принялся наносить быстрые и короткие удары снизу, превращая глаза, нос и губы каратиста в сплошное кровавое месиво. Однако азиату удалось вырваться: втянув шею и упираясь ладонями в корпус противника, он чудом выскользнул из этого живого кольца.

И тут рефери неожиданно объявил перерыв. Зрители недовольно загудели.

— Все по правилам! — принялся объяснять судья. — Через три минуты продолжат...

Мощные прожекторы освещали ринг в центре спортзала. Все зрительские места были заняты. Публика стояла даже в проходах. Бои без правил всегда популярны в охочей до зрелищ провинции, а уж если взаимным избиением занимаются приезжие знаменитости, можно не сомневаться: кровавое шоу обязательно соберет всех местных хозяев жизни.

Нежарким августовским вечером в спортивный клуб «Гладиатор» съехались самые уважаемые люди города. Тут были и мэр, и председатель городской думы, и наиболее влиятельные бизнесмены, и милицейское начальство, и, естественно, бандиты — последняя категория граж-

дан особенно равнодушна к показательному мордобою. Спортзал гудел, как прогулочный теплоход во время круиза. Публика обсуждала достоинства и недостатки соперников, вспоминала их былые победы и поражения и, естественно, делала ставки.

Громче всех спорили двое мужчин, сидевших на самых дорогих местах. Высокий крупнолицый кавказец с густыми бровями, сросшимися на переносице, что-то упорно доказывал худому горбоносому стройняге лет сорока пяти. Горбоносый снисходительно улыбался, шурился, то и дело разминая сухие ломкие пальцы, густо испещренные зоновскими «гайками»-татуировками.

— Да задавит китаеза твоего боксера, — с характерным акцентом убеждал кавказец. — Чемпион Шанхая в полусреднем весе, черный пояс, сорок четыре чистые победы, всего лишь два поражения... А боксер твой кто? Обыкновенный колхозный Ванька из спортобщества «Урожай», только что от плуга... Ни удара, ни техники.

— Пока что наш Ванька твоего узкоглазого душит, — спокойно ответил татуированный. — Да ты сам на китаезу посмотри: ни костей, ни мяса. Такого за шваброй спрятать можно.

— Да ладно тебе, Овчина! Через два-три раунда твой Ванька обязательно выдохнется. Большой шкаф всегда громко падает! — безапелляционно парировал кавказец и, достав из кармана бумажник, зашелестел стодолларовыми купюрами. — Пять, шесть, семь... Вот, штуку ставлю на Ли. А тебе слабо на колхозника хоть сотку поставить?

Татуированный неторопливо извлек из кармана хрустящее портмоне с золотой монограммой.

— Ну и я давай штуку поставлю... Смотри, Тигран, пожалеешь.

— Я никогда ни о чем не жалею, — высокомерно бросил кавказец.

Тем временем сигнал гонга возвестил о продолжении поединка. Разговоры смолкли на полуслове — все взоры были прикованы к рингу.

Теперь шанхайский чемпион Ли наседал все больше и

больше. Неповоротливый боксер и не думал переходить в наступление. Вальсируя по рингу, он с трудом уходил от ударов, лишь изредка пытаясь достать азиата длинными прямыми хуками. Однако изворотливый каратист всякий раз ускользал. Азиат больше работал ногами, и удары его выглядели верхом изящества; когда каратист взмывал над ристалищем, казалось, что тело его не имеет веса.

— Ну, Овчина, что я тебе говорил? — азартно воскликнул Тигран, подтолкнув татуированного соседа локтем в бок. — Ты смотри, как мой китаец твоего Ваньку мудочаёт! Так его, так!.. Бей Ваньку ногой под яйца!

— Смотреть не мешай... — сквозь зубы процедил Овчина, хищно зыркнув на собеседника.

Кавказец хотел было возразить, но не успел — в кармане его зазуммерил мобильник.

— Тигран Айвазян слушает, — приложив трубку к уху, представился он спокойно, но в то же время чуточку нагло.

Звонивший был не слишком многословен, однако слова его весьма взволновали армянина. Лицо Айвазяна в одночасье сделалось суровым и сосредоточенным, и глаза заблестели тревогой.

— Ты что, Коля? Не может быть! — растерянно пробормотал Тигран. — Какой смысл? Ему ведь до освобождения чуть меньше года сидеть оставалось! Он что... действительно утонул? Ошибки быть не может?

Тем временем ситуация на ринге кардинально изменилась. Боксер перешел в решительное контрнаступление. Сокрушительный хук правой — и китаец оказался в нокдауне. После заключительного удара в печень весь воздух вышел из каратиста с тоненьким свистом. Азиат как подкошенный свалился на помост. Лицо его было перемазано кровью, а глазки, и без того маленькие, чугунели сизой опухолью. Огромным усилием воли каратист попытался подняться, однако со стоном припал к ристалищу.

— Три... четыре... пять... — принялся отсчитывать секунды рефери.

На девятой секунде китаец наконец-то поднялся и,

придерживаясь за канат ринга, невидяще посмотрел перед собой. Кимоно его краснело разляпистыми кровавыми пятнами. Руки безвольными плетями опустились вдоль туловища. На лицо и вовсе было страшно смотреть: перемазанное кровью, пылью и потом, оно напоминало жуткую маску... Отпустив канат, каратист сразу же рухнул наземь.

Победителем был объявлен боксер. Тысяча долларов, которую армянин так нерасчетливо поставил на китайца, перекочевала в бумажник татуированного.

— Ничего, Тигранчик, в следующий раз будешь знать, как на чужих ставить, — многозначительно прокомментировал Овчина. — Ты чего такой кислый? Неужели последние деньги проиграл?

— Нет, — деревянным голосом ответил кавказец. — Мне тут только что позвонили... Ну, насчет твоего друга Сазонова.

— И что? — в голосе собеседника зазвучал неподдельный интерес.

— Два дня назад пытался бежать со своей зоны. Удачно ушел со строительного объекта, но при попытке переплыть Волгу утонул.

— Это ты про Леху? Про Жулика? — не поверил Овчина. — Но... зачем ему было бежать? У него же «звонок» в мае следующего года!

— Не знаю, не знаю, — задумчиво ответил Тигран.

— А он что... Действительно погиб?

— Мне так сказали.

— Кто?

— Кто-кто... Как обычно. Менты прикормленные. Коля Бармалей, если знаешь, кто это такой. Ему самому только что сообщили.

Несколько минут татуированный сидел словно обухом пришибленный. Несомненно, он никак не мог поверить в услышанное.

— Ни хрена себе... — тихонько прошептал Овчина спустя минуту. — Значит, Лехи Сазонова больше нету... А какой пацан был! Какой красавец! Какой умница!

— Ага... То-то, что «был». Из-за твоего красавца и ум-

ницы я четыре года назад чуть по миру не пошел! — с внезапным озлоблением прошипел Айвазян, сдвинув к переносице сросшиеся брови.

— Сам виноват. Не надо было жадничать, — хмыкнул Овчина. — Принял бы наше предложение — остался бы при своих.

Тигран решил не досматривать остальные поединки. Ему было явно не до того. Наспех попрощавшись с соседом, он неторопливо пошел на выход. Армянин был растерян, обескуражен и встревожен свалившимся на него известием — в глубине души он все-таки не верил, что Жулик действительно погиб.

Впрочем, татуированный Овчина был впечатлен этим известием ничуть не меньше...

\* \* \*

Нет ничего тоскливей жизни в провинции. Серые будни, загульные праздники, после которых несколько дней раскалывается голова, опостылевшие рожи окружающих... Даже очень богатый человек чувствует себя в провинции ущербным и неполноценным. Ассортимент удовольствий здесь невелик: бабы, водка, банька по субботам, шашлыки на природе и лишь изредка — завлекательные кровавые зрелища, вроде сегодняшнего. Ни тебе столичного разнообразия, ни ощущения праздника, ни радости за каждый прожитый день.

Приблизительно так рассуждал Тигран Айвазян, сидя за рулем роскошного черного «Лексуса».

Шикарный лимузин неторопливо катил по узкой улочке, заставленной типовыми пятиэтажками. То и дело поглядывая по сторонам, Айвазян бормотал замысловатые армянские ругательства — с его слов выходило, что он вступал в интимную близость не только с этим городом и всеми его обитателями, но и с их отдаленными родственниками. Доехав до перекрестка, извращенец притормозил. Прикинув, где можно убить остаток дня, и

не найдя достойного варианта, Тигран направил машину к своему дому.

Конечно, за развлечениями можно было хоть сейчас отправиться в Москву. Тем более что до столичных соблазнов было рукой подать — каких-то пять-шесть часов на поезде. Однако загулы в Белокаменной обычно затягивались у Тиграна на несколько дней. И, хотя Айвазян был без ума от столичных кабаков, борделей и казино, частые отлучки болезненно ударили по бизнесу и, следовательно, по карману. А деньги молодой армянин любил не меньше, чем развлечения...

...Семья Айвазян появилась в этом небольшом среднерусском городке шесть лет назад и поначалу ничем не обращала на себя внимания. Какие причины побудили армян покинуть родной Ереван и перебраться в среднюю полосу России, так и осталось загадкой, но вскоре о пришлых кавказцах заговорили.

Тигран обладал удивительным даром — умением незаметно втираться в доверие к нужным людям. К тому же он был человеком небедным... За какие-то полгода кавказец перезнакомился со всем местным начальством и оброс полезными связями, как днище корабля — ракушками. Впрочем, этот талант оказался у пришлого армянина далеко не единственным: Айвазян обладал типично дяляческим складом ума. Счастливое сочетание талантов и позволило Тиграну с головой броситься в мутные воды местной коммерции.

Ушлый кавказец сразу же понял, что самый выгодный бизнес в среднерусской провинции — бутлегерство, то есть подпольное производство спиртного. Постановка дела требовала неиссякаемой энергии и огромных затрат. Деньги вылетали веером, но Тигран не скупился. Он приобрел в пригородном совхозе заброшенный овощной цех, поставил там спиртзаводик с разливочными линиями и за какой-то год залил город и область дешевой самопальной водкой.

Естественно, удачливым бутлегером быстро заинтересовался Отдел по борьбе с экономическими преступлениями местного УВД. Богатому и обаятельному Тиграну

не составляло труда договориться с ментами, и милицейский интерес к коммерсанту угас сам по себе. Но вскоре производитель самого популярного в России напитка почувствовал на себе чье-то пристальное внимание. Однажды на автостоянке к Тиграну подошел угрюмый мужчина с худыми татуированными пальцами. Позади татуированного маячили двое неулыбчивых молодых людей в пиджаках пятьдесят шестого размера. Татуированный представился Михаилом Овчинниковым. Айвазян уже слышал это имя и знал, что Овчина — «смотрящий» по городу из Москвы. Сперва «смотрящий» поинтересовался, нравится ли незваному гостю на новом месте. Затем объяснил, как пагубно сказывается пьянство на здоровье горожан. После чего напомнил о «разгуле организованной преступности» и «бессилии правоохранительных органов» и, не прощаясь, свалил.

Тигран, прикормивший к тому времени не только ОБОП, но и начальника областного УВД генерала Севрука, не придал этой «пробивке» никакого значения. У него были дела поважней: производитель левой водки открывал шикарный ювелирный магазин в центре города. И, хотя многие утверждали, что ювелирный бизнес в нишей провинции — дело безнадежное, Айвазян знал, что делал: через «ювелирку» предполагалось прокручивать «черный нал» за подпольное спиртное.

Вскоре тиграновский «Мерседес» был заблокирован на загородной трассе двумя бежевými «шестерками» с заляпанными грязью номерами. Неулыбчивые молодые люди бесцеремонно пересели в салон айвазяновского лимузина и без лишних предисловий задали стандартный вопрос: «Кто тебя кроет, кому платишь?» Армянин хладнокровно послал вымогателей куда подальше, заявив, что никому платить не собирается, а в случае чего обратится в ОБОП. Последнее заявление почему-то страшно развеселило неулыбчивых молодых людей. Удивительно, но Тигран был отпущен с миром.

Спустя несколько месяцев ювелирный магазин «Яхонт» был торжественно открыт. А еще через неделю неизвестные злоумышленники внаглую обобрали «ювелирку».



Произошло это среди бела дня, в обеденный перерыв. Айвазяна не спасли ни хитроумная сигнализация, ни многоопытные охранники, ни сторожевые псы. Сигнализация почему-то не сработала, охранники ничего не видели и не слышали, а псы даже не тявкнули. Более того — во время обеденного перерыва никто в магазин не заходил и никто из него не выходил. Судя по всему, работали настоящие профессионалы: обчищены были не только витрины и кассы, но и огромный сейф, где хранилась годовая выручка от бутлегерства («черный нал» предполагалось «прокрутить» через кассу магазина). Общие убытки Тиграна исчислялись почти пятью миллионами долларов.

Естественно, подозрение сразу же пало на Овчинникова. Однако менты ничего не могли предъявить «смотрящему». Овчина и его ближайшая «пристяжь» имели стопроцентное алиби: в день ограбления «Яхонта» авторитет со своими «быками» пьянствовал на даче начальника местного УВД, генерал-майора милиции Николая Севрука. Да и «выставление» магазинов никогда не являлось специализацией местного авторитета. Многоопытные сыскари уголовного розыска были убеждены: единственным человеком, способным виртуозно «поднять» ювелирный салон, был Алексей Сазонов, по кличке Жулик. Несмотря на судимость и высокий авторитет в криминальных кругах города, Жулик не относился ни к одной блатной «масти». Таких, как Леха, когда-то называли «один на льдине». Впрочем, это обстоятельство не мешало авторитетным блатным относиться к Жулику с искренним уважением...

Доказать причастность Сазонова к ограблению «Яхонта» было невозможно. К тому же у него было хорошее алиби... И прикормленные Тиграном менты не придумали ничего лучшего, как подsunуть Жулику пакетик с героином. Понятые, акт об изъятии, отпечатки пальцев и даже оперативная видеосъемка были организованы мусорами с отменным профессионализмом.

«Если вернешь деньги и драгоценности Тиграна Гургеновича — отпустим! — клялся начальник местного УВД